

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ № 4 • 2008

Андрей Рябов

ВОЗРОЖДЕНИЕ «ФЕОДАЛЬНОЙ» АРХАИКИ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПРАКТИКА И ИДЕИ

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ WORKING PAPERS

Серия «Рабочие материалы» основана в 1999 г.

Полная или частичная перепечатка данной публикации возможна только с письменного согласия Московского Центра Карнеги. При цитировании ссылка на издание обязательна.

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2.

Тел.: (495) 935-8904.

Факс: (495) 935-8906.

Эл. почта: info@carnegie.ru.

Интернет: <http://www.carnegie.ru>.

Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги:

<http://www.carnegie.ru/ru/pubs>.

Статьи и доклады, издаваемые Московским Центром Карнеги в серии «Рабочие материалы», обеспечивают читательской аудитории оперативный доступ к наиболее актуальным исследованиям по вопросам внешней и внутренней политики в России и Евразии. В серии публикуются либо промежуточные итоги работы, либо материалы, заслуживающие немедленного внимания читателей. Ваши отклики и комментарии просим направлять авторам работ по вышеуказанному адресу.

В издании отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Редактор А. И. Иоффе

В работе рассмотрено относительно новое явление – возникновение и распространение в разных сферах социальной жизни современной России элементов архаики, корни которых восходят к феодальным отношениям.

Об авторе

Рябов Андрей Виленович — кандидат исторических наук, член научного совета Московского Центра Карнеги.

СОДЕРЖАНИЕ

Рудименты прошлого в настоящем.....	4
Инструментарий анализа	5
Происхождение феномена.....	6
Военно-служилая бюрократия – стержень архаики	9
Политика переделов и «феодалная» интерпретация права.....	11
Архаика в других сферах социально-экономической жизни	12
Идеология	12
Заключение.....	13
О Фонде Карнеги.....	15

Рудименты прошлого в настоящем

Появление этой на первый взгляд несколько необычной по звучанию темы в качестве объекта социально-политического анализа не случайно. В последние годы в различных сферах социальной жизни России все заметнее проявляются элементы архаики, которые трудно объяснить, исходя из общепринятых представлений о современном обществе.

В этом ряду можно назвать широко распространившееся в верхах мнение, что частная собственность должна носить условный характер и обладание ею — это своего рода награда за службу государству. Подобные настроения не только указывают на определенные социальные пристрастия части российских элит. Они становятся оправданием действий тех политических сил и институтов, которые заинтересованы в перделе собственности и глубоко вовлечены в этот процесс, приобретающий перманентный характер. В обстановке сложившейся рентной экономики, когда бизнес повсеместно оказался в сильной зависимости от государства, а выполнение функций госаппарата зачастую коммерциализировано, чиновники рассматривают должности, позволяющие извлекать ренту, как надежный способ получения высоких доходов. Эта укоренившаяся практика получила различные формы — от «опеки» «своего» бизнеса и скрытого участия в предпринимательской деятельности до исполнения прямых должностных обязанностей за денежное вознаграждение и присвоения части прибыли по «серым» схемам топ-менеджментом государственных компаний, не отличающихся прозрачностью.

Подобные явления, активно порождающие коррупцию в самых разных формах и разновидностях, сильно напоминают распространенную на Руси XV–XVI вв. практику «кормлений», когда чиновника отправляли руководить территорией без жалованья, исходя из того, что средства на жизнь он добудет в результате поборов. Еще один очевидный элемент архаики — участвовавшие в годы строительного бума случаи сгона домовладельцев с земли, будь то в городе или сельской местности, под нужды коммерческого строительства. Можно назвать также ставшее модным приобретение богатыми горожанами в сельской местности земли вместе со стоящими на ней населенными пунктами, жители которых, не имея работы и какого-либо выбора, вынуждены соглашаться работать на нового «помещика» фактически на кабальных условиях. К архаике нужно отнести и исходящую от правящей элиты откровенную пропаганду антиэгалитаризма, сословности, корпоративности, противоречащую социальной динамике развития современного общества. Список подобных явлений, по логике несовместимых с реалиями индустриальной страны начала XXI в., при желании можно было бы продолжить. И хотя в реальной жизни все эти явления выглядят изолированными, не связанными между собой, есть основания полагать, что они имеют общие корни.

Примечательно, что эта архаика стала настолько заметной, что перестает быть объектом интереса лишь ученых и экспертов, а становится частью более широкого общественно-политического и культурного дискурса. Достаточно упомянуть получившие широкий резонанс литературные произведения Владимира Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль», близкие по жанру к антиутопии, в которых в образе России 2027–2028 гг. хорошо знакомые нынешние российские реалии переплетаются с характерными особенностями общественного порядка Руси при Иване Грозном¹. Термины «феодализм» и «феодальный» нередко стали использоваться политиками и журналистами для обозначения тех или иных реалий нынешней России. Так, при обсуждении темы госкорпораций в марте 2008 г. в верхней палате российского парламента сенаторы употребляли слово «феодализм» для характеристики этих структур². Подобное отношение проникает и в западную журналистику, начавшую использовать термин «кормление» для описания некоторых специфических черт деятельности российского государственного аппарата³.

¹ Сорокин В. День опричника. — М.: Захаров, 2007. *Он же*. Сахарный Кремль. — М.: Астрель; АСТ, 2008.

² Коммерсантъ. — 2008. — 27 марта.

³ Подробнее об этом см.: http://www.newsru.com/arch/russia/01oct2007/korrupt_print.html.

Безусловно, нет достаточных оснований для утверждения, что столь разнородные явления, свидетельствующие о возрождении социальной архаики, носят системный характер и отражают целенаправленные усилия правящих элит, направленные на то, чтобы инициировать возвращение страны к устаревшим и давно забытым формам общественной организации. В то же время существует немало прямых и косвенных признаков, указывающих на существование внутренней связи между отмеченными явлениями. Все это затрудняет типологическое описание возникающей архаики и одновременно делает эту задачу актуальной.

Другая трудность состоит в отсутствии общепринятого теоретического инструментария для анализа подобных явлений. Но даже в приведенных примерах, взятых, правда, не из научной литературы или политической аналитики, отчетливо просматривается намерение наблюдателей связать эту архаику с возрождением в нынешних условиях отдельных характерных черт общественного быта средневековой Руси и в более широком плане — феодализма. И хотя в исторической науке существует большое количество различных концепций феодализма, зачастую связывающих с этим термином совершенно разные комплексы явлений, есть некие типологические черты общественного устройства эпохи Средневековья, оперируя знаниями о которых, можно описать и глубже понять природу возникшей ныне архаики. В выяснении ее причин как цельного социального явления и видит автор этих строк одну из своих задач. Другая задача состоит в стремлении выявить внутри данного явления причинно-следственные связи, чтобы попытаться понять, какие факторы могут быть названы системообразующими. И наконец, третьей задачей является оценка возможной роли архаики в дальнейшем развитии страны. При этом использование автором понятий «феодализм», «феодальный» не означает, что он имеет в виду прямое воспроизводство в нынешних реалиях отношений и структур, существовавших в давно ушедшую эпоху. Феодальная архаика в современной России — это скорее некие архетипические социальные практики, восходящие к далеким по времени историческим образцам и воспроизводящие основополагающие черты этих практик. Одновременно понятия «феодализм» и «феодальный» применимы для обозначения явлений, выступающих для правящих элит в качестве объектов для подражания, источников вдохновения. В таком контексте эти понятия принадлежат более к сферам общественно-политических идей и социальных мотиваций.

Инструментарий анализа

В многочисленных теориях феодализма их авторы по-разному рассматривают содержание и функцию данного понятия. Для одних это определенная стадия в общественно-экономическом и политическом развитии цивилизации, существовавшая в условиях аграрных обществ, для других — модель общественных отношений, которая может возникать и проявляться в разные исторические эпохи вне зависимости от технико-технологического состояния того или иного общества. Иными словами, с такой точки зрения феодализм, его основополагающие структуры вполне могут существовать и в индустриальных обществах и не просто как рудимент, «пережиток» прежней, более низкой стадии развития, но как форма организации общества, вполне соответствующая его современным потребностям. При всех концептуальных различиях в описании феодализма авторы, как правило, выделяют несколько его базовых признаков. Это военно-ленинный характер властных отношений, что порождает и специфическую «силовую» природу политической элиты. Политическая власть при феодализме — это прежде всего власть военно-служилого сословия. В такой системе собственность выдается в условное владение за военную службу или за службу государству, а отношения господства-подчинения внутри правящего класса (сословия) основаны на принципах личной зависимости. Феодализму присуща жесткая сословная структура общества, исключая или существенно ограничивающая социальную мобильность.

При подобной структуре переход из одной общественной группы в другую, более привилегированную, затруднен. Наконец, при феодализме в хозяйственных отношениях доминируют внеэкономические формы принуждения к труду.

В разных концепциях эти и другие признаки фигурируют в различных сочетаниях. Зачастую употребление для концептуальных построений одного или нескольких признаков исключает упоминание других.

Для предлагаемого ниже анализа строгое следование какой-либо одной концепции феодализма не представляется необходимым. Автор рассматривает это понятие как определенную систему общественных отношений, для которой характерны отмеченные выше базовые признаки. Такой выбор обусловлен двумя причинами. Во-первых, Россия по-прежнему является обществом, где фактор политики, интересы фактически несменяемого правящего слоя в удержании и укреплении власти играют ключевую роль в формировании экономических институтов⁴ и оказывают огромное влияние на характер хозяйственных отношений. Во-вторых, индустриальное общество в современной России — сложный организм, безусловно, не сводимый лишь к социальной архаике. Поэтому попытки типологически описать нынешнюю стадию его эволюции как феодальную, конечно, некорректны. Остается другой подход, нацеленный на выявление и анализ того сегмента общественных отношений, которые можно, исходя из изложенного выше подхода, оценить как феодальные по архетипу и которые при этом вмонтированы в сложную ткань современных социальных связей и институтов. То есть речь идет об изучении подсистемы феодальной архаики внутри общественного строя нынешней России.

В представлениях автора стержнем этой архаики является уже в значительной мере сформировавшийся тип властных отношений. При этом институциональные особенности власти, основные характеристики государства как системы институтов, особенности политических режимов, существовавших в России в посткоммунистический период, для изучения данной темы не имеют принципиального значения. Важным проявлением феодальной архаики в системе властных отношений можно считать то обстоятельство, что государство в способах отправления власти часто использует административно-силовые методы для разрешения конфликтных ситуаций или опирается на официальные или скрытые привилегии государственной бюрократии и близких к ней высших общественных слоев. В этом смысле такая практика созвучна идеям Карла Маркса о том, что любое феодальное государство знает только два права: кулачное и право-привилегию⁵. Такой способ реализации власти оказывает многоплановое влияние на различные стороны политической, социальной и экономической жизни страны, которое и будет рассмотрено ниже.

Может быть высказано возражение, что ставка на силу и привилегии в деятельности власти характерна не только для феодальных государств. В частности, это явление было широко распространено в тоталитарных обществах, т. е. в недавней реальности, из которой вышла современная Россия. Тем не менее автор настаивает на сведении отмеченного феномена к феодальному архетипу, поскольку тоталитаризм базируется на стабильных и сильных, действующих в рамках жестко установленных процедур институтов. Особенность же нынешней России, как, впрочем, и эпохи классического феодализма, как раз состоит в отсутствии таковых.

Происхождение феномена

Появление социальной архаики в российском обществе явилось реакцией на неудачу модернизации конца 80-х — начала 90-х годов XX в. Быстрота и легкость, с которой архаика возродилась в общественной практике, может быть объяснена и тем, что, как полагают некоторые исследователи, в советской системе уже имплицитно

⁴ См.: Либман А. Политическая логика формирования экономических институтов в России // Пути российского посткоммунизма: Очерки / Под ред. М. Липман и А. Рябова; Моск. Центр Карнеги. — М.: Изд-во Р. Эллинина, 2007.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: Изд. 2-е. Т. 1. — С. 346; Т. 41. — С. 158; Т. 46. Ч. 1 — С. 24.

присутствовали элементы феодализма. Правда, в научной литературе периода перестройки наличие элементов феодализма в этой системе трактовалось главным образом как сохранение в ней рудиментов прежней стадии развития и феодального способа производства⁶.

Появление архаики — это в значительной мере отражение неготовности транзитного общества к дальнейшим изменениям, связанным с новыми рисками, которые заменяются стремлением найти опору не только в привычных формах общественного бытия, но и в тех, что скрыты в глубинах архетипов массового сознания. Еще в 1990-е годы изучение общественного мнения показало, что в результате быстрого слома прежней системы общественных отношений и привычных ценностей вакуум, образовавшийся в массовом сознании, стал быстро заполняться традиционалистскими представлениями, почерпнутыми из давно забытых социальных практик. Так, получившие в тот период широкое распространение в общественном мнении представления о свободе как о «возможности быть хозяином своей судьбы», о демократии как о праве избирать себе лидера (начальника, «атамана»), который вместе с избранием получает полное право на авторитарное правление, по существу восходили к средневековой альтернативной, крестьянской политической культуре⁷. Но в то же время возвращение архаики всегда связано с целенаправленной политикой властных элит, пришедших к выводу: хватит перемен. Эти элиты видят свой интерес в консервации существующих общественных порядков, вполне удобных для них, рассматривая частичный возврат к архаике как эффективный способ консервации для решения этой задачи. Когда перепробованы разные инструменты укрепления доминирующих позиций в обществе, когда провалилась легитимация власти через демократические ценности, через либеральные традиции отечественной истории, а возвращение к советской эпохе противоречит стратегическим интересам, правящие элиты начинают искать источники общественного идеала в далеком прошлом.

Говоря же о современной России, следует отметить, что ключевым моментом, обусловившим «ренессанс» архаики, в решающей степени стала вовсе не «историческая память» народа, разочаровавшегося в демократической модернизации, но не пожелавшего двигаться назад, в коммунистическую эпоху. Общество было слишком слабым актором, чтобы оказывать влияние на выбор пути развития страны. После короткого всплеска политической активности в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда оно попыталось стать таким актором, общество в России снова заняло привычную позицию пассивного объекта управления. Отправным пунктом процесса возрождения архаики стала реставрация системы личной зависимости, клиентелизма как системообразующего фактора во властных отношениях. Связано это было в первую очередь с возвращением номенклатурного принципа в формировании и структурировании властной элиты. Этот процесс стал постепенно набирать силу еще с середины 1990-х годов. Ему способствовало ослабление влияния на политику важнейших модернизационных факторов. Сначала это было снижение уровня гражданского и политического участия населения. Позднее к нему добавилось ослабление роли не зависимых от государства политических акторов — крупного бизнеса, СМИ, партий и неправительственных организаций. Важнейшим условием восстановления номенклатурного принципа рекрутирования во власть стала победа государственной бюрократии над другой частью постсоветской элиты, представленной крупнейшим бизнесом («олигархами»). С этой группой был связан иной принцип рекрутирования элиты, «основанный на делегировании крупными экономическими субъектами своих представителей во власть»⁸. Победа бюрократии над «олигархами» была достигнута в начале 2000 г. Она существенным образом повлияла на механизмы формирования политической элиты, резко ослабив роль выборов в этом процессе.

⁶ См., например: *Вишчек А.* Алгоритмы истории. — М.: Прометей, 1989. — С. 113—118.

⁷ См.: *Between Democracy and Dictatorship: Russian Post-Communist Political Reform.* — Washington: CEIP, 2004. — P. 278—280.

⁸ *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 316.

Расширение влияния государства на все стороны общественной жизни при одновременном выхолащивании смысла демократических процедур, особенно на выборах, привело к сжатию пространства публичной политики и резкому усилению автономности властной элиты от общества. В этих условиях произошло возвышение бюрократической элиты над всеми остальными и началось фактическое поглощение ею политической элиты. Эта элита в отличие от 1990-х годов стала по преимуществу рекрутироваться не по специфическим *политическим* каналам, через выборы, а подбиралась вышестоящими властными инстанциями из чиновников, назначавшихся на должности, связанные с принятием политических решений, которые раньше в основном занимали публичные политики. Особенно заметен этот процесс был в институтах исполнительной власти, где формирование команд из бюрократов по принципу личной преданности и знакомства по прежней работе приобрело значительный размах. При общем ослаблении публичной политики в стране большую роль приобрели неформальные центры власти и соответственно не избранные и неизвестные обществу чиновники, имевшие возможность влиять на принятие политических решений. Они стали настоящими «серыми кардиналами» российской политики и прочно заняли лидирующие позиции во всевозможных рейтингах влиятельности политических деятелей.

Все эти изменения завершили начатый еще в советское время процесс высвобождения «служилой» бюрократии из-под власти политического руководства страны, верховной власти. Подобное высвобождение сопровождалось и отбрасыванием различных социальных ограничений для номенклатуры, которая сняла с себя обязательства перед обществом, разорвав тем самым социальный контракт с ним. Существование таких ограничителей обуславливалось ролью и местом «служилой» советской бюрократии в политической системе, которые определялись мобилизационным характером развития бывшего СССР. Это было вполне логично, поскольку новая номенклатура как раз была заинтересована в обратном — в отказе от мобилизационной модели. В результате возникла парадоксальная и внутренне противоречивая ситуация, когда новая номенклатурная элита отказывалась от мобилизационного типа развития, но восстанавливала отношения, порожденные этим типом. Отказ от такой модели в значительной мере способствовал и снижению интереса к реализации каких-либо общенациональных проектов в целом, а также, думается, в значительной мере снизил потребность номенклатуры в сильных и стабильных институтах. Отсутствие общенациональных проектов развития и сильных институтов обусловили усиление фактора личной зависимости в практике властных отношений.

Следует отметить, что отношения такого типа по своей природе имеют клиентелистский характер. В их основе возможность вышестоящего должностного лица распоряжаться тем или иным ресурсом (финансовым, административным и т. д.) и частично делегировать распоряжение им своим «клиентам». За это «клиент» наподобие феодального вассала обязан верой и правдой служить своему «сеньору». Как отмечал один из первых исследователей номенклатуры как правящего общественного слоя Михаил Восленский, «...главное в номенклатуре — власть. Не собственность — а власть»⁹. И даже в постсоветскую эпоху, когда захват собственности стал основной целью номенклатуры, она по-прежнему рассматривала эту задачу как производную от возможности обладания властью.

В силу отмеченных особенностей номенклатурные отношения, если они не подкреплены кланово-родственными, этническими или земляческими связями и если их не скрепляет институт, выдвигающий перед номенклатурой значимые общественные цели, не носят прочного характера. В этой связи продуктивным представляется сравнение с прежней советской номенклатурой, предложенное Юлием Нисневичем. По его оценке, «...в советской номенклатуре процесс формирования группировок-кланов и вертикальной мобильности их членов носил иерархически упорядоченный

⁹ Восленский М. Номенклатура. — М.: Захаров, 2005. — С. 115.

и системно регулируемый характер, так как этот процесс жестко регулировала и контролировала вертикально централизованная структура ее внутреннего стержня — КПСС. В российской номенклатуре, лишенной такого внутреннего стержня, номенклатурная конкуренция носит более динамичный и менее структурированный характер. Российская номенклатура представляет собой нестабильную социальную среду... Политико-экономические группировки российской номенклатуры в зависимости от конъюнктуры постоянно видоизменяются и трансформируются, одни исчезают и появляются новые, они сливаются и разделяются, теряют и приобретают новых членов»¹⁰. Поэтому не случайно в современной России весьма часты случаи, когда держатель номенклатурного ресурса утрачивает его, и возглавляемая этим чиновником группа быстро распадается.

Другая причина перехода к властным отношениям, основанным на принципе личной зависимости, состояла в том, что в посткоммунистической России так и не были созданы сильные и устойчивые политические институты. Вопрос, почему за почти два десятилетия существования России как независимого государства новые элиты так и не создали стабильных институтов, является одним из наименее изученных. На сегодня исследователям остается лишь констатировать этот факт и высказывать свои предположения. К одному из возможных ответов подводит процитированная выше работа Оксаны Гаман-Голутвиной. Дело в том, что сильные институты на протяжении всей российской истории создавались под потребности мобилизационного развития. Другой практики страна попросту не знала. Поэтому в условиях иммобильной политической среды вполне естественно угас и запрос на сильные институты как со стороны общества, так и со стороны элит. Другая причина, по-видимому, состоит в том, что стремительный, революционный характер перемен, сломавших прежнюю политическую систему вместе с ее главным институтом — КПСС, поставил элиты новой России перед свершившимся фактом. Но масштабная задача захвата в кратчайшие сроки бывшей государственной собственности, которую преследовали эти элиты, требовала исключить из процессов приватизации широкие слои населения или, по крайней мере, минимизировать их участие. Стабильные институты и связанные с ними правовые процедуры могли существенно замедлить и затруднить быстрое перераспределение собственности. Поэтому новые элиты сделали выбор в пользу персоналистского политического режима, при котором глава государства фактически исполняет роль верховного арбитра при решении внутриэлитных споров. При этом он вовсе не обязательно и далеко не всегда исходит из норм права, поскольку в сознании элит оно не воспринимается как универсальный и всеобщий регулятор общественных отношений. В такой среде доминирование клиентелистских отношений в пространстве власти стало компенсатором слабости институтов и правовых процедур.

Таким образом, наложение двух факторов — восстановления номенклатурного клиентелизма и хронической слабости российских институтов — в результате создало условия для того, чтобы принцип личной зависимости стал доминирующим во властных отношениях.

Военно-служилая бюрократия — стержень архаики

Но само по себе возвращение к этому принципу, взятому изолированно, вовсе не означало возникновения внутри посткоммунистических общественных порядков какой-то архаической подсистемы. Он был лишь исходной точкой в формировании такой подсистемы, давал определенный импульс к оживлению и консолидации других элементов архаики. Следующим важным шагом в этом направлении стало появление внутри политической элиты мощной военно-служилой составляющей. Это произошло в годы президентства Владимира Путина в результате массового прихода во власть выходцев из силовых ведомств, прежде всего из спецслужб. По данным Ольги Крыштановской, к 2004 г. доля выходцев из силовых ведомств в правительстве России возросла до 34,2%

¹⁰ Нисневич Ю. Аудит политической системы посткоммунистической России. — М.: Материк, 2007. — С. 236—237.

по сравнению с 22,0% в 1999 г. Среди заместителей министров, назначенных с 2000 по 2003 гг., силовики составили 34,9%. Их доля на постах замминистров в экономических ведомствах достигла 7,1%¹¹. По мнению О. Крыштановской, можно даже говорить о складывании *милитократии* в современной России¹².

Существуют различные объяснения причин масштабной интеграции во власть силовиков в годы президентства В. Путина. По одной версии, это произошло в общем случайно, благодаря выбору преемника, который сделал Борис Ельцин в 1999 г. незадолго до своей добровольной отставки. Команда нового президента, являвшегося выходцем из ФСБ, в значительной части состояла из представителей силовых структур. Новый президент в целях сосредоточения в своих руках реальной власти стремился шаг за шагом ослаблять позиции старокремлевских групп, связанных с его предшественником на посту главы государства. И в этих действиях он опирался на собственную команду, которая постепенно укрепляла позиции внутри властной элиты. Не чувствуя уверенности, что в условиях открытой конкурентной борьбы она сможет сохраниться во власти, эта элита ориентировалась в основном на использование жестких административных мер по сдерживанию публичной конкуренции¹³. По другой распространенной версии, приход силовиков во власть при В. Путине был закономерным результатом глубинных процессов внутри российской элиты. Согласно этой точке зрения к концу 1990-х годов в результате различных негативных тенденций возникла угроза самому существованию российской государственности, и только укрепление силовой составляющей власти позволило остановить этот процесс. Такую позицию активно отстаивали и руководители самих силовых структур¹⁴.

Так или иначе, но массовая интеграция силовиков в политическую элиту легла на подготовленную почву в виде уже восстановившейся к тому времени номенклатурной системы властных отношений, основанных на доминировании принципа личной зависимости, и слабых политических институтов. Изменение состава политической элиты подтолкнуло сдвиги и в иных сферах общественной жизни включая и отношения собственности. Ключевой фактор здесь заключался в том, что силовики являлись носителями общественно-политической традиции служения государству, имевшей глубокие корни в российской истории. Согласно этой идейно-политической традиции именно государство, являющееся движущей силой всех позитивных изменений в стране, инициатором всех великих достижений России, представляет собой наивысшую ценность. На этой основе предлагается своеобразная меритократическая модель общества для России, при которой главным мерилом успеха человека, его социального статуса и материального благосостояния должен стать вклад в служение государству. Разумеется, силовикам, представляющим собой несущую конструкцию новой системы, ее остов, отводится особая, руководящая роль, сходная по функциям с ролью служилого дворянства. Недаром бывший директор ФСБ, а ныне секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев так и охарактеризовал своих коллег по работе: «Это служивые люди, если хотите, современные «неодворяне»»¹⁵.

Ставшее доминантным в политической элите отношение к государству как к наивысшей ценности, на служение которому должны быть нацелены все социальные группы, в условиях слабости политических институтов стало основой для проведения политики, способствовавшей консолидации различных, даже зачастую не связанных между собой элементов социальной архаики.

¹¹ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. — М.: Захаров, 2005. — С. 270, 274.

¹² Там же. — С. 264.

¹³ См.: Рябов А. «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в постстабилизационную эру / Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2005. — С. 39—40.

¹⁴ Интервью с директором ФСБ Н. Патрушевым // Комс. правда. — 2000. — 20 дек.; Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы войны превратились в торговцев // Коммерсантъ. — 2007. — 9 окт.

¹⁵ Интервью с директором ФСБ Н. Патрушевым.

ПОЛИТИКА ПЕРЕДЕЛОВ И «ФЕОДАЛЬНАЯ» ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВА

Фактическое восстановление восходящей к временам феодализма военно-ленной системы властных отношений породило соответствующие изменения в статусе института собственности. Обладание собственностью стали рассматривать как вознаграждение за службу государству, за работу на «общее благо». Это открыло дорогу многочисленным переделам собственности, повсеместному распространению практики ее отъема у владельцев с помощью силовых структур, которые всегда при этом стремятся апеллировать к правовым нормам, впрочем, применяя их селективно. Собственность, таким образом, приобретает условный характер. «Условием» ее обладания становится близость к государству, чиновникам, готовность выполнять все их требования. Это неизбежно приводит к тому, что процесс передела собственности приобретает перманентный характер. Впрочем, правило классического феодализма «владеешь, пока служишь» не стало универсальным для отношений собственности. «Служилые» собственники, которые заслужили ее работой на государство (при этом они не обязательно должны состоять на государственной службе), всеми средствами и с использованием различных схем стремятся превратить ее из условной («поместной») в наследственную («вотчинную»). Наиболее широко распространенный при этом прием — первоначальное сосредоточение конкретных активов в собственности государственной компании во имя реализации общенациональных интересов, а затем, как правило, тихая приватизация этих активов с неперенным участием в ней топ-менеджмента компании или представителей государства.

Поскольку военно-служилая элита является главным выразителем интересов государства, она активно вмешивается в отношения собственности, а то и вовсе, как в Средние века, сама становится собственником, чтобы проводить и защищать эти интересы. При этом апелляция к «общему благу», государству используется как весьма удобное обоснование для реализации интересов различных групп силовиков. К тому же, как и для других отрядов государственной бюрократии, модернизационные цели в этих интересах не присутствуют, а главным становится реализация личных устремлений.

Вполне логично, что укрепление внутри политической элиты влияния силовиков, обладающих определенным видением того, как должна выглядеть современная общественная система России, приводит к еще большему ослаблению права как регулятора общественных отношений. По аналогии со Средневековьем военно-служилая элита, для которой официальной целью и ценностью является служение государству, отдает предпочтение силовой интерпретации права. Она тяготеет к «кулачному праву», когда требуется применение силового ресурса либо для решения того или иного хозяйственного спора, либо для изменения баланса сил в пользу какой-либо конкретной группы. В то же время использование феодального по сути «права-привилегии» бывает востребовано не только силовиками, но и другими группами, представляющими высшие классы современной России, поскольку оно обеспечивает этим группам особые преимущества для реализации их интересов в различных сферах общественной жизни.

Впрочем, постоянство процесса передела собственности может быть объяснено не только целенаправленным воздействием силовиков на ситуацию в экономике и бизнесе. Одно из объяснений может быть выведено из концепции экономического социолога Ольги Бессоновой. По ее мнению, российская экономика в отличие от экономик многих других стран, имеющих рыночную основу, строится на принципах «раздатка»¹⁶. Кстати, одной из ее основ, по мнению автора, является «служебный труд» — понятие, очень близкое описанной выше модели. Это когда «одни должны были служить по хозяйственным и военным делам, а другие кормить тех, кто служит»¹⁷. Исходя из этого для экономической истории страны характерным является использование как «раздаточных» институтов распределения собственности, когда она раздается различным

¹⁶ Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 28—34.

¹⁷ Там же. — С. 18.

негосударственным игрокам, так и «сдаточных», когда она концентрируется в руках государства. В разные периоды отечественной истории соотношение «сдатка» и «раздатка» собственности может быть различным. В настоящее время процессы «раздатка» и «сдатка» предельно сближены как во временном, так и в пространственном измерении. Возможно, это происходит потому, что властная элита все еще ощущает определенный дефицит легитимности. Впрочем, проблема дефицита легитимности власти современной российской элиты может быть рассмотрена и в качестве самостоятельного объяснения относительной легкости, с какой проходит процесс передела собственности. Подобные ощущения являются основанием полагать, что в элите быстрый переход собственности от одного владельца к другому не воспринимается как катастрофа, разрушающая весь порядок вещей, не выглядит событием чрезвычайного характера. Наконец, слабость институтов, неприменение правовых норм и процедур снимают преграды и ослабляют ограничения для произвольного перетекания собственности.

Архаика в других сферах социально-экономической жизни

В условиях, когда правящий слой разделен на многочисленные конкурирующие группы, преследующие частные и корпоративные интересы, а общество является лишь пассивным объектом управления, «кулачное право» и «право-привилегия» начинают активно использоваться властями и на нижних этажах управления в интересах различных акторов, представляющих нынешнюю элиту, и не обязательно силовиков. Так, в связи с резко выросшим спросом на землю в городах местные власти и муниципалитеты, покровительствующие тесно связанным с ними строительным компаниям, часто используют практику насильственного переселения граждан, жилища которых находятся на застраиваемой территории. При этом акции по захвату земель и ведение на них строительных работ зачастую осуществляются без необходимой документации и соответствующих разрешений. Таким образом, воспроизводятся характерные черты практики захвата земель феодалами в Средние века, использовавшими для этого силу и свое привилегированное положение. Сгон жителей с земли при этом часто происходит с материальными потерями для них, ибо получаемое жилье нередко имеет меньшую стоимость, чем утраченное. Все это сильно напоминает практику огораживаний в Англии XVI в., когда феодалы, заинтересованные в расширении пастбищного скотоводства для товарного производства шерсти, опираясь на силу государства, вытесняли крестьян с территории земельных угодий. Таким образом, в данном конкретном случае наблюдается эффект мультипликационного усиления архаики, когда соответствующим образом интерпретируемое право вызывает к жизни и архаические формы общественных отношений в определенном сегменте экономической жизни.

Реминисценции феодализма в хозяйственной жизни возникают и другим путем. Так, создание крупных землевладельческих латифундий в условиях бездействия судебной системы и при полной бесконтрольности местных властей нередко приводит к тому, что деревенские жители, лишившись земли и средств к существованию, вынуждены работать на нового «помещика» даже на кабальных условиях. Известны случаи, когда латифундисты при этом одновременно берут на себя и полицейские функции. Примечательно, что СМИ относятся к распространению латифундистского землевладения как к национальной экзотике, нередко видя в этом не социально-экономический регресс и архаику, а пример для любования, подаваемый как возрождение исторических и культурных традиций.

ИДЕОЛОГИЯ

Два фактора — идея служения государству, которое распределяется между различными общественными группами, и снижение уровня социальной мобильности — на самом деле способствовали популяризации в политических кругах идеи возрождения сословной структуры общества. Так, в книге-утопии близкого к Кремлю социолога и публициста

Михаила Юрьева «Третья империя» предлагается образ будущей социальной структуры России, представленной тремя сословиями: служилым, духовным и тягловым¹⁸. Главным, «первым» из них, разумеется, является военно-служилое сословие. По образцу янычар в эпоху классического феодализма в Османской империи оно живет в казарменных условиях, не имеет частной собственности. Другие сословия, как в феодальную эпоху, несут собственное тягло перед государством. Примечательно, что при этом автор стремится отрицать близость предлагаемого им проекта образцам феодальной эпохи¹⁹. Правда, его аргументация не выглядит убедительной. Интересно, что В. Сорокин в уже упоминавшихся романах-антиутопиях обращается к тем же социальным явлениям, но в отличие от М. Юрьева четко усматривает их феодальную природу.

Конечно, пропаганда и популяризация сословности вовсе не означают готовность правящей элиты воспроизвести архаичную социальную структуру на практике. Но в интересе к подобной практике видится стремление извлечь из нее полезный опыт торможения социальной динамики в целях сохранения «удобной» модели управления обществом, при которой правящие элиты фактически самовоспроизводятся, а доступ в высшие слои из непривилегированных групп сильно затруднен. В настоящее время подобная политика, вдохновляемая сословными представлениями, уже активно реализуется на практике. Происходит элитизация образования путем фактического закрытия с помощью финансовых барьеров доступа в престижные учебные заведения. Попасть на работу в ведущие компании, в государственный аппарат можно в основном по закрытым каналам отбора кадров, в которых главным критерием является принадлежность соискателя к привилегированным общественным слоям. В итоге закладываются механизмы самовоспроизводства элиты. В каком-то смысле эта практика, идущая вразрез с официальными модернизационными программами, в которых говорится о необходимости поддержания высокой социальной динамики, требует публичного обоснования. Идея возвращения к сословно-феодальной структуре общества в значительной мере отвечает этим целям.

Ту же функцию выполняет и исподволь ведущаяся через официальные СМИ, гламурные издания пропаганда неравенства, которая интерпретирует это понятие не только в социальном плане, как это делалось в начале 1990-х. Тогда в противовес одному из главных идеологических постулатов коммунистической эпохи — идее социального равенства — на государственном уровне выдвигалась установка, доказывавшая естественность общественного неравенства, которое обусловлено неравенством способностей людей от рождения и является закономерным результатом свободной игры рыночных сил. Ныне же, чтобы закрепить практику применения «права-привилегии», требуется утвердить в общественном мнении феодальную по сути идею фактического неравенства разных людей и социальных групп перед законом. Конечно, такие идеи невозможно проповедовать открыто, и не только потому, что они противоречат Конституции страны, но и потому, что общество при всей его пассивности и «эластичности» все же не готово воспринять подобные установки в качестве неписаного закона. Но продвижение таких идей в массовое сознание продолжается по разным направлениям, в том числе путем ничем не ограниченной пропаганды элитизма в потреблении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Матрица архаичных социальных практик, корни которых восходят к феодальным отношениям, довольно глубоко укоренилась в современных российских общественных реалиях, приобретая при этом системный характер. По-видимому, рудименты феодальной архаики в общественных отношениях в России будут не только сохраняться, но и укрепляться, если правящим в стране по сути транзитным элитам удастся защитить

¹⁸ Юрьев М. Третья империя: Россия, которая должна быть. — СПб: М.: Лимбус Пресс; ООО «Изд-во К. Тублина», 2007. — С. 175—238.

¹⁹ Там же. — С. 200—203.

себя от необходимости подтверждать высокий статус и право на лидерство в условиях публичной конкуренции. Любое серьезное продвижение России в сторону создания открытого и конкурентного общества приведет к быстрому разрушению социальной архаики.

Впрочем, отдельные проявления архаики, вполне вероятно, могут быть преодолены и без радикального обновления существующей системы. Например, усталость элиты от бесконечных переделов собственности, стремление ввести хозяйственную и деловую жизнь в русло «игры по правилам» могут в конечном счете привести правящий слой к отказу от широкого использования «кулачного права» и «права-привилегии», а также побудят его придать институту частной собственности правовой характер, усилить его легальную основу. Впрочем, если эти изменения произойдут, то они неизбежно поставят на повестку дня вопрос о создании сильных политических институтов. Но это будет уже началом конца феодальной архаики как особой подсистемы внутри общественного строя современной России.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

В серии «РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ» Московского Центра Карнеги вышли:

2008

Выпуск 1. Внутренняя Ситуация в Иране: «Круглый стол» в рамках программы «Религия, общество и безопасность» 28 ноября 2007 г.

Выпуск 2. *Нина Пусенкова, Анна Бессонова.* Блеск и нищета российской нефтепереработки.

Выпуск 3. *Алексей Малащенко.* Россия и мусульманский мир.

2007

Выпуск 1. Что будет в Туркменистане? «Круглый стол» в рамках программы «Религия, общество и безопасность» 23 января 2007 г.

Выпуск 2. *Маррак Гулдинг.* Организация Объединенных Наций: лидерство, реформы и миротворчество.

Выпуск 3. *Алексей Арбатов.* Москва – Мюнхен: новые контуры российской внутренней и внешней политики.

Выпуск 4. *Нина Пусенкова.* Восток есть восток: новая нефтегазовая провинция России.

Выпуск 5. *Андрей Макарычев, Сэмюэл А. Грин.* Перспективы прозрачности в российском ресурсодобывающем секторе.

2005

Выпуск 1. *Марта Олкотт.* Владимир Путин и нефтяная политика России.

Выпуск 2. Гражданское общество: экономический и политический подходы.

Выпуск 3. Гражданское общество и политические процессы в регионах.

Выпуск 4. *Владимир Милов, Иван Селивахин.* Проблемы энергетической политики России.

Выпуск 5. *Чжао Хуашэн.* Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества.

Выпуск 6. *Анна Бессонова.* Требования ВТО и российское законодательство.

2004

Выпуск 1. *Василий Михеев.* Восточно-азиатское сообщество: китайский фактор и выводы для России.

Выпуск 2. *Алексей Малащенко.* Бродит ли призрак «исламской угрозы»?

Выпуск 3. *Ахмед Ахмедов, Евгения Бессонова, Елена Гришина, Ирина Денисова, Денис Некипелов, Иван Черкашин.* Вступление в ВТО и рынок труда в России.

Выпуск 4. *Ксения Юдаева.* Что ждут от ВТО российские предприятия: результаты опроса.

Выпуск 5. *Константин Козлов, Денис Соколов, Ксения Юдаева.* Инновационная активность российских предприятий.

Выпуск 6. *В. В. Михеев, В. Б. Якубовский, Я. М. Бергер, Г. В. Белокурова.* Северо-Восточная Азия: Энергетические стратегии безопасности.

Выпуск 7. *Андрей Шлейфер, Дэниел Трейсмэн.* Обычная страна.

Выпуск 8. *Анатолий Ширяев.* Организационно-методическая концепция реформирования военного образования.

Выпуск 9. Влияние российских групп интересов на политику России в отношении Белоруссии.

Выпуск 10. *Рой Алисон.* Центральная Азия и Закавказье: региональное сотрудничество и фактор российской политики.